051983

9 0 2

ТУ-19-241-82

1

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—191

РГДБ
2015
АЛЫП-МАНАШ
Алтайская сказка
Художник Н. Воронков

Когда небо было сотворено, когда земля была сотворена, вместе с небом и землёй был сотворён Байбарак-богатырь.

Когда луна была сотворена, когда звёзды засияли, вместе со звёздами и луной родилась прекрасная Эрмен-Чечен. И не было на Алтае достойного её молодца.

Лишь один Байбарак-богатырь отважился — поперёк её тропы встал. На правое колено пал, правой рукой коснулся её руки и молвил: «Отныне мы вовек неразлучны».—«Всегда вместе будем»,—отозвалась Эрмен-Чечен.

Весело, плавно бежит игреневый иноходец Эрмен-Чечен. Широко шагает пятнистый, как барс, конь Байбарака-богатыря. Едва восход солнца увидят всадники, как кони к закату примчатся.

Сюмелу-Пай, отец прекрасной Эрмен-Чечен, пустился в погоню на своём чернокрылом коне. Днём без отдыха, ночью без сна летел, но шатёр Байбарака-богатыря лишь через год нашёл.

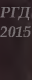
В белом шатре на руках у Эрмен-Чечен лежал новорождённый сын—Алып-Манаш. Разгневанный Сюмелу-Пай сказал: «За то, что убежала, будет твой сын целый год спать. Уснёт, как задумает жениться».

Горя не зная, Алып-Манаш возрос-возмужал. Стрела, им пущенная, мимо цели не пролетала. Копьё его трёхпудовое разило и медведя, и барса.

Раз, охотясь, Алып-Манаш далеко в тайгу ушёл, за деревьями людей увидел. Подобно диким зверям, эти люди ели траву, грызли древесную кору.

«Помоги нам! — воскликнули они. — Ак-Каан, злодей, наш скот на свои пастбища угнал, земли наши отнял. Семьдесят народов разорил. Дочь его, Эрке-Каракчи, — разбойница, семьдесят семь богатырей сразила...»

А тем временем, помня гневные слова Сюмелу-Пая, родители искали для Алып-Манаша верную жену, чтобы мужа молодого не покинула, когда уснёт он на целый год непробудным сном. И сосватали девицу Камюжек-Ару — Чистую Жемчужину.

Алып-Манаш в шатёр к Чистой Жемчужине не вошёл. Он вскочил на бело-серого коня и сказал: «Добрые родители, милая Камюжек-Ару, на дороге моей не стойте, за подол моей шубы не цепляйтесь. Пока Ак-Каана не одолею, пока дочь его не полоню, домой не вернусь».

Бело-серый конь передними ногами танцуя, задними приплясывая легко взбегает на крутые плечи гор. Ушами, будто ножницами, он облака стрижёт, копытами искры из камней высекает.

На берегу реки конь встал, с места нейдёт. «Вернись, Алып-Манаш,—говорит.—За рекою стойбище Ак-Каана. Смотри, много следов туда ведёт, а обратно следа нет... Костьми трава усеяна, черепа на столбах белеют».

Алып-Манаш ударил тугой плетью бело-серого коня, заставил перескочить через реку.

А со стойбища Ак-Каана мчится навстречу богатырю Эрке-Каракчи—разбойница. Белым пламенем сверкает меч в её руке, красным заревом полыхает грива огненно-рыжего коня.

Началась великая борьба. От топота копыт, от ржания коней, от крика богатырского рушились горы, реки выходили из берегов.

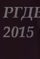
Но вот борцы спешились. По щиколотку уходили их ноги в землю, когда боролись они на каменных скалах. По колено увязали в долинах.

Эрке-Каракчи первая коснулась земли рукой. Алып-Манаш в золотые глаза её посмотрел и молвил: «Отныне мы вовек неразлучны».—«Всегда вместе будем»,—ответила Эрке-Каракчи.

И тут проклятье Сюмелу-Пая сбылось. Себя не помня Алып-Манаш упал и уснул непробудным сном. Бело-серый конь его обернулся звездой и улетел в небо.

Ак-Каан созвал войско и повёл его на спящего богатыря. Бронзовые острия стрел и медные наконечники копий, как пчёлы, зажужжали на лету, но, стукнувшись о грудь Алып-Манаша, рассыпались, будто стекло. 21

Ак-Каан приказал воинам вырыть яму глубиной в девяносто сажен и столкнуть туда спящего Алып-Маныша. Оружие богатыря хотел Ак-Каан себе взять, но пику сдвинуть ни один воин не смог, меч поднять силача не нашлось.

Поплыли по небу весенние тучи, летели над тучами дикие гуси. Алып-Манаш проснулся, но встать не смог: девятью цепями скованы руки, девяносто девять цепей на его ногах. Тяжесть цепей легла на сердце. Алып-Манаш первый раз в жизни запел.

Перелётные гуси услышали эту песнь, покружили над ямой, один гусь оторвался от стаи и упал Алып-Манашу на грудь.

Алып-Манаш засмеялся, разорвал цепи на руках, укусил палец и кровью на крыле гуся написал письмо.

Белым утром Камюжек-Ару пошла за водой, увидела на реке дикого гуся. Гусь подплыл к берегу, поднял крыло. Камюжек-Ару прочитала письмо.

Камюжек-Ару принесла гуся в белый шатёр Байбарака-богатыря. Письмо послушать старики пришли, женщины малых ребят за руку привели. Пришли в шатёр силачи, богатыри и герои. Слушают, плачут.

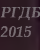
И только богатырь Ак-Кобен—товарищ Алып-Манаша—головы не опустил, слезы не пролил. Он, глядя на Камюжек-Ару, сказал: «Я поеду Алып-Манаша искать. Если он жив—вместе вернёмся, если погиб—Камюжек-Ару я не оставлю».

Саврасый конь Ак-Кобена поскакал-полетел. У края чёрной ямы Ак-Кобен спешился, обхватил лесистую гору, поднял и бросил на Алып-Манаша.

Когда Ак-Кобен умчался обратно, упала с неба звезда. Стукнувшись о лесистую гору, белая звезда обернулась бело-серым конём.

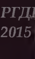
Конь ударил копытом лесистую гору, и гора встала на своё прежнее место.

Бело-серый конь спустил в яму свой длинный, как млечный путь, хвост, и Алып-Манаш выбрался по нему наверх.

Алып-Манаш разбил мечом цепи на ногах и сел на бело-серого коня. А навстречу ему уже мчалось войско. Впереди сам Ак-Каан на бело-чалом коне.

Левой рукой Алып-Манаш выдернул Ак-Каана из седла, правой взмахнул мечом и рассёк тысячелетний тополь. В эту расщелину Алып-Манаш сунул Ак-Каана: «Вечно сиди здесь, злодей!»

Воины Ак-Каана побросали оружие, поставили вперёд себя детей. «Бери любой выкуп, только пощади нас». Алып-Манаш сказал: «Выкупа мне не надо. Встаньте! На своей земле мирно живите, но если воевать вздумаете—пощады не ждите».

Скота на пастбищах Ак-Каана—как муравьёв в муравейнике. Но рабы его от голода высохли. Алып-Манаш сказал им: «Люди, свой скот возьмите. Идите с миром. Но если войной друг на друга пойдёте, никого не помилую!»

Тут огненно-рыжий конь поравнялся с бело-серым конём. Алып-Манаш обратил свой светлый лик к Эрке-Каракчи: «Вместе быть клялись, клятву ты нарушила. Внезапным сном сморённого, меня ты не пощадила». 37

Он поднял плеть и хлестнул огненно-рыжего коня: «Беги! Догонять не стану».

Прискакал Алып-Манаш к реке. Теперь её не перепрыгнуть: разлилась река. У берестяной лодки—белый, как лебедь, старик-перевозчик. «О чём плачете, дедушка?» — спросил Алып-Манаш. «Алып-Манаша оплакиваю. Друг его Ак-Кобен сегодня на Чистой Жемчужине женится».

Алып-Манаш обернулся старичком Тас-Таракаем. Его бело-серый конь худым жеребёнком стал. Прыгнули они в лодку, и старик повёз их на тот берег.

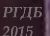

Приехал Тас-Таракай в стойбище Байбарака-богатыря. А там людей, как деревьев в лесу. На почётном месте, по правую руку Байбарака-богатыря, Ак-Кобен восседает, жирное мясо ест.

Милая Камюжек-Ару в белом шатре сидит. Шесть женщин заплетают в шесть кос её волосы, как жемчуг поседевшие.

Тас-Таракай тихо дверь отворил, протяжно, жалобно запел: «Молодого друга давно ли ты нашла, Камюжек-Ару?»

Ак-Кобен, услыхав песню, вошёл в белый шатёр, схватил Тас-Таракая и зашвырнул его за семь гор, за семьдесят морей.

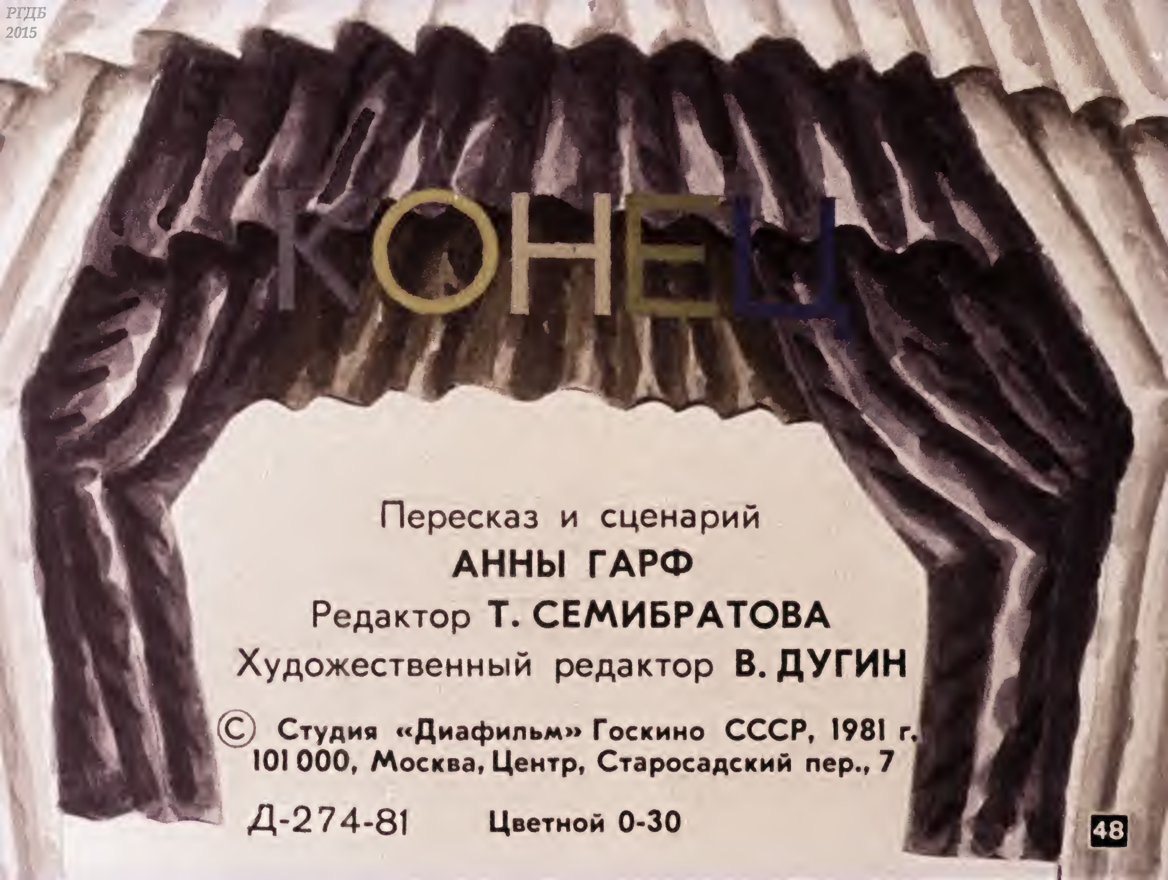
Поднятая рука Ак-Кобена ещё не опустилась, а Тас-Таракай уже снова здесь: «Если Алып-Манаш жив, что случится?» Камюжек-Ару встала и, не смея глаз поднять, ответила: «Бело-серому коню шерсть приглажу, Алып-Манаша милого обниму и поцелую».

Тас-Таракай рваную шубёнку сбросил, плечи расправил, и рядом с Чистой Жемчужиной Алып-Манаш встал. Ак-Кобен обернулся журавлём и улетел.

Алып-Манаш со всего Алтая людей на свой свадебный пир созвал. Все враждующие племена Алтая помирил, всех в один великий народ собрал. Вечно в песнях живи, светлый богатырь мой!

Пересказ и сценарий
АННЫ ГАРФ
Редактор **Т. СЕМИБРАТОВА**
Художественный редактор **В. ДУГИН**

101 000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7

Д-274-81 Цветной 0-30